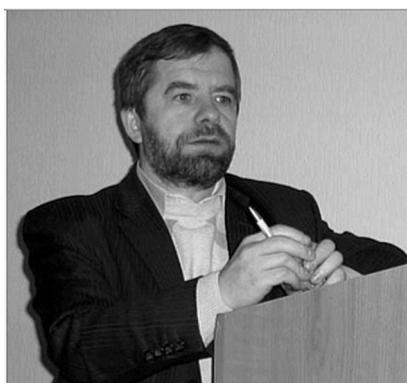

Диспут апостолов Петра и Павла с магом Симоном перед Нероном. Фреска. Художник Филиппино Липпи. 1481–1482.

УДК 1.11:1.13:2.26:2.23:322

С.А. Нижников

А.А. Лагунов

**Нижников С.А.*,
Лагунов А.А.****

Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Размышления о вере и неверии

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов
E-mail: nizhnikovs@mail.ru

Лагунов Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Северо-Кавказского государственного технического университета
E-mail: emaillag@mail.ru

В статье в диалогической форме полемически обсуждаются проблемы веры и неверия и соответствующие им мировоззренческие типы. Вера рассматривается как фундаментальная и неискоренимая сущностная черта человеческого бытия. Показано, что атеизм и материализм также являются формами веры. Рассматривается связь различных философских концепций с моралью и политикой.

Ключевые слова: атеизм, вера, материализм, метафизика, мораль, либеральная демократия, секуляризация, православие.

Фил. Очень меня интересует вопрос о том, почему атеизм так прочно утвердился в сознании многих наших современников. Что привело к этому? Быть может, вырвавшийся из-под контроля эгоизм, приведший к старательному культивированию принципа индивидуализма вне христианского понимания личности? И какие исторические ошибки были допущены официальной церковью? Как вообще стало возможным построение

культуры, развивающей идеи христианства, но уже без Христа (по определению В.В. Зеньковского)? А также – что необходимо сделать для того, чтобы вернуть современной культуре былые религиозные идеалы, если это в принципе еще возможно? Ведь каковы наши идеалы и вытекающие из них личные и общественные цели и ценности, такова и наша жизнь в целом. Понимаю, конечно, что построение «светлого теократического» государства так же невозможно, как и построение атеистического «общества светлого будущего». Свои «постановочные» вопросы-тезисы я бы сформулировал следующим образом

1. Атеизм, будучи ранее уделом лишь отдельных личностей, несмотря на свою метафизическую скудость, неожиданно начал прогрессировать в XIX столетии, вовлекая в свою упрощенность все больше и больше людей, обрадованных возможностью неограниченно культивировать свой эгоизм и порвавших для этого с Богом. Способствовал этому и зарождающийся позитивизм, ограничивший возможности познания человека миром эмпирическим. Почему же в обществе произошло резкое выхолащивание мировоззренческой образованности на фоне разговоров о росте «научной рациональности»?

2. Нет ли в этом вины и официальной церкви? Штамп о ее оголтелом клерикализме, огульном преследовании всего нового, научного и творческого не выдерживает критики, ведь исторически церковь как раз и являлась оплотом научности в широком, а не позитивистском смысле этого слова, именно в монастырях культивировалась средневековая наука, собирались обширные библиотеки, а в проповедях и религиозных дискуссиях обсуждались отнюдь не только специфически богословские темы. Церковь в своих крайне негативных инквизиционных проявлениях преследовала, конечно, не могущих не впасть в ересь рационально мыслящих ученых, но не столько за их научные теории и выводимые закономерности, сколько за активно пропагандируемый многими из них отход от христианских мировоззренческих позиций. Ясно, что на определенном этапе церковь оказалась не в состоянии контролировать «ересиархов от естественных наук», и одновременно не смогла удержать своего лидерства в научной области, по-видимому, из-за своей излишней приверженности традиционным взглядам. Но традиция, безусловно, важнейший элемент культурного фундамента, должна, тем не менее, развиваться, вбирать в себя новое. Конфликт же традиций и новаций, во многом инициированный и церковью, привел к постепенному отказу не только от традиций, но и культурных универсалий вообще.

3. Однако парадоксально (а, может быть, и закономерно) то, что оторвавшаяся от религиозного мировоззрения светская культура Запада не смогла осуществлять себя далее без принципов и идей, свойственных христианству. Весь так называемый «новоевропейский гуманизм» в своих лучших аспектах пронизан концептами, привнесенными в общество христианством, но при этом он упорно отрицал и отрицает свою связь с ним. Почему? И что он принес действительно необходимого для раскрытия человеком своего духовного потенциала? А что он сделал это, сомнений нет. С другой же стороны, и негативное влияние светского гуманизма на нашу общественную жизнь очевидно.

4. И, наконец, самое важное: что и как нужно делать сегодня для возвращения культуре ее исконных оснований, вернее даже, для осознания культурой христианских истоков этих оснований, для понимания ею того, что и русло-то у нее было и есть христианское, вот только вышла она из этого русла, бескрайне разлившись в своем плюрализме и постепенно превратившись в застоявшееся болото. Можно ли вообще вернуть нашу культуру в ее русло и устремить ее бег в изначально заданном направлении?

Соф. Прежде всего, Фил, давай разберемся с атеизмом, – что это такое? Казалось бы, все ведь предельно ясно – человек не верит в Бога, вот тебе и атеизм. Но оказывается, все еще проще и сложнее. А если я тебе скажу, что мировоззренческих атеистов вообще в природе не существует? И это не только мое субъективное суждение – к таким же выводам приходит Мирча Элиаде, изучавший различные религии и верования и сознание современного человека. С его точки зрения атеист – вещь невозможная, разве что какой-нибудь профессор философии в новоевропейской университете, придумавший некую доктрину и сам в нее же поверивший...

Но предвижу твой вопрос: ведь атеисты же существуют! И они есть среди наших коллег, а уж в советскую эпоху все строили идеальное земное царство, а о небесном и вовсе забыли. Но ведь и сейчас есть люди, которые верят во все, что угодно, кроме Бога, и на этом основании называют себя атеистами. И никто не удосужился им объяснить, что не атеисты они вовсе, а идолопоклонники! Это «открытие» сделал Достоевский и блестяще описал открытый феномен. Как-то на философском конгрессе мне довелось пообщаться с одной очень известной «философской дамой», долго убеждавшей меня, что Христос был не Богом, а человеком, к тому же очень нехорошим. Я не стал с ней спорить из уважения к ее сединам, из чего она заключила, что меня убедила и переключилась на другую тему. Однако вдруг стала излагать «тайную доктрину» Блаватской, и я обнаружил, что она ее большая почитательница. Так воинствующая атеистка оказалась банальным теософом.

Я, надо сказать, вообще интересуюсь атеистами как феноменом и уже не один год «коллекционирую» их типы – тем более, что обычно считается, что атеисты окопались в нашей среде, – среде преподавателей философии, в которой семьдесят лет господствовало и внедрялось «единственно верное учение» в качестве диалектического (а на самом деле вульгарного и догматического, я бы сказал – фанатичного) материализма. Ведь вбить в голову можно что угодно, даже то, что нечто под названием «материя» могущественнее Бога и может все из себя самого якобы явить. Да и «материалистам» никто не сказал, что их «материя» и есть их божок, идол, которому они поклоняются и приносят жертвы.

Приведу еще один пример. Одна наша старшая коллега всегда и всем рассказывала, что не верит в Бога, и гордилась этим. Но познакомившись поближе с ее «атеизмом», я обнаружил, что помимо отрицания бытия Бога она еще верит в дьявола. Представляешь? Она не верит в вечное Добро, но верит в вечное зло! И при чем здесь атеизм, которым она так гордилась, являясь, по сути, по своему мировоззрению сатанисткой? И мне стало страшно – и за нее самое, и за ее студентов, которых она – с их еще не сформировавшимся мировоззрением и уязвимой психикой – ввергала в крошечный пессимизм.

Когда у нас говорят об атеизме, то подразумевают, что у атеиста «научное мировоззрение», что он лишен суевер-

рий, а не только веры в Бога, которая тоже расценивается как вид суеверия. Я же полагаю, что «атеистического мировоззрения» вовсе не существует, а тем более «научного», а те, кто заявляют о себе таким образом, зачастую оказываются просто суеверными людьми, где от науки мало что осталось, а тем более от философии. Да наука сама по себе и не может спасти человека от суеверий. Могут это только философия и религия, ибо именно разум и вера несовместимы с суевериями. Но сколько ты найдешь философов среди преподавателей философии, и сколько подлинно верующих среди считающих себя христианами? Весма немного. Но, представь, я преподавателем философии не могу доказать, что они не признают истины христианства, но легко верят в языческие доисторические суеверия.

Атеистов нет в природе, потому что все люди – верующие! Наиболее глубоко эту истину постиг Достоевский, это же в XX веке доказали Эрих Фромм и Мирче Элиадэ. Сознание человека всегда должно быть заполнено объяснением мира, оно не терпит пустоты. Но объяснить мир эмпирически и научно невозможно, так как он необозрим. И здесь на выручку приходит философский разум и вера, которые только и способны на это. Вера входит и в философскую метафизику, является ее основой, ибо любая философская концепция основывается на неких аксиоматических предположениях, на том, о чем уже нельзя спрашивать (Аристотель). Поэтому если самосознание человека развивается естественным образом, оно неизбежно приходит к идее Абсолюта – единого источника всего. Так, у греков философия начинается с поисков первоначала – *архэ*, которое переводится как «власть», «господство», «сила».

Но есть верующие и *верующие*. Достоевский выделял две категории верующих. Первая – это верующие в Бога, а вторая – все остальные, нарушившие основную заповедь «Не сотвори себе кумира!». Получается, что все, не верующие в единого Бога – идолопоклонники, подменяющие идею Абсолюта какой-то своей измышленной субъективно идейкой – будь то «золотой телец», «коммунизм», «отец всех народов», «либеральная демократия» и так далее до бесконечности. Как говорится, мораль для всех людей одна, а вот грехи у каждого свои. Так и в области веры: не хочешь верить в Бога, – получишь идола. Только дело не ограничивается сознанием. Ведь сердце человека, его помыслы – там, где вера. Если он верит в Абсолют, который есть Богочеловек, то отсюда вытекает высочайшая и глубочайшая мораль, человеколюбие, ибо такой Бог сам есть любовь и уподобиться ему – значит любить человека. А если у нас идол, то ему эти люди должны приноситься в жертву. Вот тебе и языческие человеческие жертвоприношения, и тирании, и всевозможные тоталитарные режимы с многомиллионными жертвами. Метафизика непосредственно входит в ткань социальной жизни и формирует ее под себя.

Вера в Бога поэтому естественна для человека. Атеизм, если предположить существование такового, – противоестественен. Это капитуляция перед сложностью мира и моральной ответственностью (ибо из атеизма вывести мораль еще никому не удалось). Это какое-то оскорбленное, деформированное самосознание, возникшее в результате или сбоя в естественной работе психики, своего рода недоразвитости, или определенного воспитания и «образования». Ведь если человеку что-то внушать с детского садика, то он, безусловно, будет верить в любой абсурд, и никакие факты его уже не переубедят. Обыденное сознание очень косо. Если тебе с детства внушали, что ты произошел от обезьяны, то ты так и будешь в это верить. Но от какой именно, эти «верующие» мне еще так и не сказали. Видимо, это большая тайна, известная только Энгельсу. И эту тайну он унес, видимо, с собой в могилу. Также можно внушить, что у человека нет души, и он будет в это верить – ты не поверишь, но есть такие люди и сейчас. То есть получается, они не верят в то, что их «я» существует. Есть только их тело (я у таких спрашиваю, а с кем я сейчас разговариваю, с телом?). Вот так у нас и существовала, и во многом продолжает существовать наука «психология», но без души. Я недавно «открыл» великую тайну студентам-психологам второго курса, у которых читал философию. Они с удивлением узнали, что психология со времен Аристотеля – это наука о душе («психэ»). А они-то, бедные, учат все больше биологию и всякие рефлексы – и думают, что занимаются психологией (как и те, кто их этому учит!).

Но вернемся непосредственно к нашему анализу атеизма. Давай подумаем теперь, что означает этот термин?

Этимологически в переводе с древнегреческого – это «без-Божие», т.е. отрицание бытия Бога. Но отрицание не может быть мировоззрением, так как указывает не на то, во что верит человек, а на то, во что он не верит. Например, вы знакомитесь с человеком, и он, вместо того, чтобы назвать свое имя, говорит вам: «Я не стул». Хорошо, вы поняли, что он не стул, и опять спрашиваете его, как же его зовут. А он вам в ответ: «Я не стол». И этот «разговор» можно продолжать до бесконечности. Так и с «атеистическим мировоззрением» – его нет, ибо мировоззрение, как и имя человека, как любое понятие, не определяемо через отрицание. Это хорошо, видимо, понимали и советские атеисты, которые писали соответствующие статьи в энциклопедии. Там они дают не отрицательную, а положительную характеристику атеизму, т.е. наполняют этот термин предметным содержанием. Каким же? Материалистическим.

Таким образом, то, что называют атеизмом, по сути, является материалистическим мировоззрением. Здесь мы уже пришли к пониманию того, что должно содержаться в сознании называющего себя атеистом. Теперь давай разберемся, что такое материя, на вере в саморазвитие которой зиждется диалектический материализм. Материя (лат. *materia* – вещество), согласно «классику», есть «...философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (Ленин В.И. ПСС, 5 изд. Т. 18. С. 131). Однако кто доказал, что за всеми нашими ощущениями находится нечто, что называется материей? Ведь чувственно воспринимать мы способны только эмпирические предметы, но не нечто, что находится за ними. Поэтому налицо явный скачок от того, что мы воспринимаем, к тому, что воспринять, тем более доказать существование, не можем. Для Платона «за вещами» находится идея, для Аристотеля – сущность, для Гегеля – дух, для материалистов – материя. Так что последние тоже попадают в разряд метафизиков, они также верят в бытие чего-то, что является основой всех вещей. Значит, материя – метафизическая, а отнюдь не «научная» категория, а материализм, также как и религия, основывается на вере.

Материалисты – «дурные» метафизики, т.е. не осознающие, что они тоже метафизики. Гегель, признавая достоинства эмпирического метода, выступал категорически против его абсолютизации, возведения в ранг ми-

ровоззрения. А ведь материализм – это крайняя форма проявления эмпиризма:

«Основная ошибка научного эмпиризма состоит всегда в том, что он, пользуясь метафизическими категориями – материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т.д. – и руководствуясь такими категориями, пользуясь формами умозаключения и исходя из них как из предпосылок, не знает при этом, что он сам содержит в себе метафизику, сам занимается ею; он, таким образом, пользуется этими категориями и их сочетаниями совершенно некритично и бессознательно. <...> Для эмпиризма вообще лишь внешнее составляет истинное, и если он допускает существование сверхчувственного, то утверждает, однако, что познать его невозможно, и нужно держаться исключительно области восприятия. Но это основное положение в его дальнейшем развитии привело к тому, что позднее назвали *материализмом*. Этот материализм признает истинно объективной материю как таковую. Но сама материя есть абстракция, которая как таковая не может быть воспринята нами. Можно поэтому сказать, что не существует вообще материи, ибо она существует всегда как нечто определенное, конкретное» (*Энциклопедия философских наук*. § 38).

«Идеалисты» – осознанные метафизики. Они так и заявляют – «мы метафизики!» А материалисты стремятся свое философское убожество прикрыть наукой, ссылаются на некую «научность» своей концепции, хотя, как мы уже уяснили, в основе их мировоззрения – тоже вера, но безотчетная. Они не осознают того скачка, который происходит в их сознании при определении материи. Значит, в основе материалистического атеизма тоже лежит вера, но материалисты считают, что их вера лучше всех прочих. Чем же? Видимо тем, что она не создает никаких моральных ограничений. Ведь из материалистической веры невозможно ни вывести, ни обосновать мораль, а потому насилие мыслится как «повивальная бабка истории», а классовая борьба – как единственный инструмент развития и прогресса. Т.е. насилие возводится в абсолютно необходимый принцип бытия мира, общества и человека. Это своеобразный «классовый расизм», где один слой людей – пролетариат (а по сути, как показала история, – партия) – является носителем истины, а все остальные слои подлежат или уничтожению, или порабощению и тотальному контролю (интеллигенция, крестьянство и др.). Для меня лишь та философия истинна (если отвлечься от собственно философских онтологических оснований), которая способна обосновать мораль, без которой невозможны ни личность, ни общество. А здесь же мы видим, напротив, обоснование аморализма и насилия. Да они и без всякого обоснования существуют, а тут еще целая концепция выстраивается в их оправдание.

Отечественные мыслители, многие из которых прошли увлечение материализмом и марксизмом, преодолели этот соблазн и свели с ним философские счеты, оставили нам замечательные сочинения. Так, А.И. Введенский отмечает:

«В природе действительно, все можно объяснить без всякой помощи Бога, одними законами природы, – все, кроме существования природы и ее законов». Если же атеист говорит, что все в мире совершается не иначе, как по законам природы, то, продолжает Введенский, «это значит, что в мире все без исключения совершается по воле Бога. Даже волос не упадет с нашей головы без воли Бога; ибо он падает не иначе как по законам природы, а они составляют те способы, какими Бог постоянно управляет созданным Им миром». В заключение Введенский приходит к выводу, что «доказательства существования Бога гораздо тоньше, искуснее, чем все атеистические доводы» (*Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом*. С. 198).

Согласно Гегелю, материализм – это вообще не философия, в нем нет ничего, о чем стоило бы подумать, – все до крайности примитивно. Материализм отвечает примитивизму сознания человека индустриального общества, для которого существуют только два смысла – деньги и то, на что они обмениваются. Дух, душа, сознание – это все производное от материальных отношений. Как это возможно? Никто никогда не объяснит, – в это требуется только верить. Так вот, Гегель полагал, что материализм есть сознание обывателя указанного типа общества. Что это вовсе не философский тип сознания, а обывательский, но ворвавшийся в философию и стремящийся утвердиться в ней. Это самый примитивный вид эмпиризма, который ничего объяснить не может – ни происхождения самой материи, ни устройства мира, сознания, морали и т.д. Заметь: ведь фактически в каждой философской концепции есть категория материи, даже у таких «идеалистов», как Платон, Аристотель, Гегель, но только материалисты ее обожают, стремясь вывести из нее все бытие. Из материализма можно пытаться вывести эволюцию физических объектов, но уже происхождение гусеницы необъяснимо одними материальными причинами. «Можно ли сказать, – спрашивает Кант, – *дайте мне материю, и я покажу вам, как можно создать гусеницу?*». И сам же отвечает: «Легче понять образование всех небесных тел и причину их движения, чем возникновение одной только былинки или гусеницы» (*Всеобщая естественная история и теория неба*. С. 127).

Здесь есть и еще одно заблуждение. Ильич, помнится, назвал материю философской категорией, но дело в том, что материалисты отождествляют эту категорию с материальным объектом. Каким – не важно, пусть очень маленьким, но материальным (помнишь, у того же Ильича о том, что «электрон также неисчерпаем, как и атом»). И тут возникает полная путаница, ибо материалисты не понимают, что философские категории – это не материальные объекты, и нельзя искать им аналога в эмпирическом мире. Философские категории – это идеи, поэтому само понятие «материя» есть идея, и ее нельзя применять непосредственно к эмпирическому миру, хотя она может служить методом его объяснения. Это прекрасно понимал уже Демокрит, у которого было не сохранившееся до наших дней сочинение «Об идее». Его атом – это идея, как и у Платона, только термин другой.

Таким образом, в новоевропейском материализме вообще утрачена специфика философского языка. Это «философия», утратившая всякую философскую специфику и выродившаяся в примитивно понимаемую науку. Но, думаю, что это весьма ограниченное мировоззрение вредно и для ученых.

В этой связи у меня вообще возникает мысль, что атеистический материализм и вовсе не философия – как философия он явно несостоятелен, – а политическая доктрина, что данный тип мировоззрения целенаправлен-

но разрабатывался для идеологического оправдания захвата власти. Атеистический материализм оказался необходим именно как доктрина, оправдывающая насилие. В доказательство можно привести целую серию цитат из классиков марксизма-ленинизма, но я предпочту процитировать В.В. Зеньковского о марксизме, в котором, как он полагал, «нет философской основы»:

«Самый элементарный эмпиризм неизбежно должен отвести то или иное место “идеям”, вообще всему, чем живет человеческое сознание, – поэтому движущая сила и марксизма и неомарксизма лежала и лежит лишь в “утопии земного рая”... Здесь, в этой утопии, атеизм сам, в сущности, становится религией, – и оттого мир ныне и вступил в период своеобразной религиозной войны. Это уже не “окамененное нечувствие”, как у Фейербаха, а вытеснение христианства новой религией – “утопией земного рая”... Вся драма современного мира и заключается в том, что он продолжает жить благовестием Христа о Царстве Божием, но хочет достичь этого идеала без Христа» (Окамененное нечувствие. С. 400).

Интересно, что и новое «великое учение» – либеральная демократия – тоже основывается на атеизме. Теперь она стала «религией» современности. И насилие тоже никуда не делось, только теперь оно стало полностью безнаказанным. Для этого существует и международный североатлантический жандарм – НАТО. В России торжество этой идеологии уже привело к вымиранию части населения страны, к увеличению смертности и снижению рождаемости. Осуществлялся, по сути, геноцид, но уже не в виде примитивной «борьбы классов», а под «гуманистическими» лозунгами «либеральной демократии». Только теперь народ почему-то уже не хочет вымирать и не голосует за своих «демократов». Интересно, как повторяется история, ведь большевики тоже были за демократию и свободу, пока не пришли к власти. Потом они показали народу и разваливавшей монархии либеральной интеллигенции, что такое «власть Советов». Правда, здесь опять возникает парадокс – *власти Советов* в СССР никогда не было (последняя попытка в Кронштадте в 1921 г. была жесточайшим образом подавлена). Но мы до сих пор говорим о «советской власти», в то время как нужно говорить о партократии...

Вместе с тем есть люди, называющие себя атеистами и одновременно остающиеся высоконравственными. Казалось бы, это противоречит нашей логике, но в ее русле есть объяснение и этому «этическому атеизму».

Прежде всего, это вовсе не атеизм. Поясно. То, что моральный человек считает себя одновременно и атеистом – заблуждение, о котором он сам может и не подозревать.

Дело в том, и думаю, ты здесь со мной согласишься, что мораль может существовать, только имея онтологические (метафизические) основания. Как мы уже говорили, атеизм таковые отрицает, поэтому он никак не может быть их основанием – даже если же под ним подразумевать материализм, то и тогда здесь нет никаких основ для морали, ибо материи безразлично, морален ее биологический организм или нет. Напротив, мораль противоречит материалистическим побуждениям, поэтому из материализма легко вывести аморализм, и невозможно – мораль. Существование же высокоморальных «атеистов» (а таковых немало), думается, есть результат воспитания, – это заслуга родителей, а не материалистического мировоззрения. И потому наличие морали у таких людей никак не согласуется с навязанной им картиной мира, в которую эта их мораль никак не вписывается. Однако истинная мораль – та, которая осознается человеком, вытекает из его мировоззрения, обосновывается им. Иначе она неустойчива, и в критической ситуации в ней может возникнуть брешь.

Тип таких людей, который мы сейчас анализируем, вместе с тем, вызывает уважение, так как у них все же есть мораль, хотя и нет ее оправдания в мировоззрении. Да ведь они и не философы, чтобы искать таковое. К этому типу принадлежит, как мне кажется, огромное количество представителей старшего поколения, воспитывавшихся во второй половине XX в., которых уже не принуждали доносить друг на друга, но которые руководствовались идеей патриотизма, пусть и советского, и «моральным кодексом строителя коммунизма», в котором (пусть и в «атеизированной» форме) содержались нравственные принципы христианства. У этих людей сохранилось что-то человеческое, и этого человеческого несравнимо больше, нежели у «продуктов» реформ 1990-х годов и их авторов, тех, кто разваливал – нет, не СССР, а Россию, ее экономику, финансы, социальную сферу и т.д. уже в постсоветский период. На наше старшее поколение можно положиться, с ним, как говорится, «можно пойти в разведку». А вот можно ли доверять новой популяции, у которой за душой ни коммунизма, ни материализма, ни патриотизма, одни симулякры в виде «демократизма», «либерализма» и «постмодернизма»? И их современные оппоненты из коммунистическо-консервативного лагеря ничуть не лучше. Они не изменились, а то, что не развивается – всегда деградирует. Открой наши что «правые», что «левые» газеты, – Россию, ее реальные проблемы и пути их решения они, похоже, не рассматривают, все наполнено лозунгами и призывами, штампами и ругательствами. Никакой вразумительной программы нет, одни утопии. Для них главное – власть, приход к власти, а поэтому действующая власть всегда плоха, и нет, не может быть в ее действиях ничего хорошего уже априорно, просто потому, что у власти сейчас не они. Как это напоминает все, что было накануне и 1917-го, и 1991-го...

Фил. Да, неожиданнейшие метаморфозы мы наблюдаем на протяжении последних столетий. Атеизм в каких только формах не проявляет себя, меняет принципы, мировоззрения и идеологии, лишь бы только сохраниться в человеческом сознании. И при этом, думается, нельзя сказать, что люди настолько испорчены (хотя и не без этого), чтобы не видеть действительных причин всех эти метаморфоз. Дело здесь, видимо, еще и в том, что мистические и философские глубины христианства доступны далеко не всем. Христианство вообще очень сложная религия, и для своего понимания требует от человека всей его жизни, чего очень многие не хотят, даже и себе же во благо. Отсюда, как я понимаю, и упрощение христианства как в теории, так и в практике, допущенное церковной иерархией для привлечения максимального числа прихожан. Как следствие – доступность непонимаемого христианства атеистически-светской критике, и, что еще страшнее, проникновение суеверий в запретную для них область. Разумеется, я понимаю, что отнюдь не всем могут приоткрыться христианские глубины и далеко не каждый способен в них погрузиться. Однако чрезмерное упрощение христианской религии с миссионерской целью, кажется, привело не только к искаженному пониманию ее среди прихо-

жан, но и к достаточно частому духовному и интеллектуальному оскудению представителей клира.

Ты очень удачно вспомнил об Эрихе Фромме. Пытаясь вывести гуманизм из самое себя, обосновывая возможность объективной гуманистической этики, т.е. оставаясь на принципиально атеистических исходных позициях, он, будучи, однако, честным исследователем, не мог не признать свойственную человеку потребность в ориентации и поклонении, обуславливающую реальное доминирование в общественной жизни разнокачественных соответствующих систем, нормирующих социальные цели, ценности и авторитеты. Он даже хотел назвать их «религиозными системами», но почему-то решил, что этого сделать не позволяет устоявшаяся терминология – мол, «религиозное» относится к почитанию личностного Бога, а у него речь идет не только о таких, религиозных системах, но и о нерелигиозных. Хотя сам же и признавал, что буддизм, не являясь религией в традиционном понимании, тем не менее, относится к религиозным системам ориентации и поклонения. Мне кажется все же, что терминология – вещь изменяющаяся (и изменяемая), и мы вполне можем считать религиозными все системы ориентации и поклонения, без которых, по Фромму – и в этом нельзя с ним не согласиться, – немыслима жизнь общества.

Таким образом, атеизм, как и всякая религиозная система «ориентации и поклонения», требует, прежде всего, веры, вопрос в том, как и во что верить? Основания же для веры определяются – врожденным ли, приобретенным и развиваемым ли – метафизическим чувством конкретного человека. И у атеистов с таким чувством явный непорядок, недаром, например, почти все классики русской религиозной философии, пройдя в своей личной жизни через период увлечения марксизмом, позже считали свои представления того времени «философским детством». Атеизм, если это не от потусторонних недобрых сил воспринятое чувство, всегда есть следствие «умеренного знания» о мире, я бы сказал даже, неумеренного незнания о нем. Сила атеизма – в его интеллектуальной и духовной слабости. Ты верно говоришь, что «если самосознание человека развивается естественно образом, оно неизбежно приходит к идее Абсолюта – единого источника всего». А если самосознание не развивается естественно, или же развивается (ведь оно же не может не развиваться, за исключением отдельных клинических случаев) неестественно? Тогда и возникает атеизм как следствие чрезмерной концентрации на своем «эго», в «ослепительном» свете которого теряется постоянно и настоятельно напоминающая о себе метафизическая реальность (ведь она же не перестает быть объективной реальностью оттого, что мы не можем ее «опытно» пощупать, взвесить и измерить). И ты глубоко прав в том, что естественной для человека является именно вера в Бога, атеизм же противоестественен.

Хорошо об основаниях веры писал еще в позапрошлом веке В.Д. Кудрявцев-Платонов, утверждая, что вера в Бога более научна, чем неверие в Него. Это вытекает из того факта, что наше знание о чем бы то ни было вне сферы нашей опытной деятельности всегда предположительно, вероятно. К примеру, нам незачем самим ехать в Индию для того, чтобы убедиться в ее реальности. Мы верим некоторой совокупности фактов, полученных нами из источников, опытно-чувственно к Индии не относящихся – из разговоров, учебников, газет и пр. Ее нет в нашем непосредственном опыте, однако мы уверены в истинности свидетельств о ней. Допустим же, кто-то говорит нам, что в этом вот конкретном лесу живет зеленая белка. Потом еще кто-то говорит, и еще. Поверим ли мы этим свидетельствам или же будем их отвергать? Можем сделать и то, и другое, однако при этом должны понимать, что поверить все же будет более разумным нашим ходом (ведь, может быть, нашелся чудак, покрасивший белку, или же это результат мутации – последствия чернойбыльской катастрофы), чем не поверить, поскольку для того, чтобы доказать наше неверие, нужно проверить всех белок в лесу (для чего последний, возможно, придется и выкорчевать). В нашем анекдотичном случае, конечно, и это возможно, хотя и требует невероятных затрат и грозит непредсказуемыми осложнениями отношений с экологами. Но что мы скажем о том, что огромное количество не самых нечестных людей свидетельствует нам о своем опыте Богообщения? Поверим им и попытаемся самим осуществить этот опыт или же будем все отрицать? Но ведь для научного отрицания этих многочисленных (и опытных!) фактов следует самому сделать богом с тем, чтобы проверить каждый уголок необъятной Вселенной и удостовериться – да, Бога здесь нет. И не только тварную Вселенную надлежит «обследовать», но и трансцендентные ей области бытия, что, конечно же, есть полный абсурд. Так значит, поверить в Бога – все-таки научнее, даже в сугубо эмпирическом плане. Именно поэтому, соглашусь с тобой, «отрицание не может быть мировоззрением», и добавлю: научным мировоззрением.

Что же касается моральной сферы общественной жизни, то здесь атеизм «во всей красе» показал свою ущербность. Из него действительно морали никак не вывести. И атеисты – какие-то инопланетяне в нашем мире. Есть такой сюжет в «Философских историях» С. Лоу: прибывшие на нашу планету странные экземпляры не могут понять, что такое безнравственность и просят показать ее. Демонстрация безнравственного поведения ничего для них не значит, инопланетяне продолжают настаивать на своем: «То-то и то-то мы видим, а где же безнравственность?». И в чем основания для нравственности у наших атеистов? Иначе говоря, почему человек должен вести себя строго определенным образом, не допуская отступлений от этого определения, если сам же он (и только от своего же имени) все это и определяет? Сегодня определю так, завтра переопределю иначе. Моральный релятивизм поэтому есть прямое и необходимое следствие из атеизма. Современный постмодернизм настолько хорошо развил эту тему, что от себя добавлять уже ничего и не нужно. Только остается непонятным – почему же эти наши (точнее, «не наши») земные «инопланетяне» столь популярны в грешном мире, не потому ли, что он усиленно интендирует к своему самоубийству?

Ты абсолютно прав также в том, что для конкретного определения атеизма следует иметь в виду его конкретное содержание, и для дефиниции того типа атеизма, который воинственно восторжествовал в нашей стране в соответствующий исторический период, необходимо уточнять: «атеизм материалистический». Но значит, есть и иные типы. На Западе, например, до сей поры сильно влияние протестантизма, но это влияние сказывается преимущественно в повседневной жизни, и то далеко не каждого. Однако перейти на позиции откровенного материалистического атеизма науке там не могли позволить, вот только атеизм в ней все же восторжествовал, пройдя окольными путями: вначале утверждая о «ненаучном» характере метафизических проблем, перенеся их в область религии, а затем и вовсе «забыв» об этой проблематике. Таким образом, атеизм этот не «материалистический», хотя и сходный с ним в

своих выводах, а «позитивистический». Можно, по-видимому, выделить и другие типы атеизма, примеры чего ты уже привел – «теософский» (ведь Бога у, допустим, мадам Блаватской вовсе нет, все замкнуто на «дурном» пантеизме, а последний, кстати, вполне можно полагать характеристикой более расширенного типа атеизма, чрезвычайно популярного в «светски-философской» среде), «сатанистский» (в котором отрицание Бога фундаментально, несмотря на то, что, парадоксально, этот наимерзейший и наистарейший тип воинственного атеизма сопровождается верой в Его объективное и личностное существование; но это совсем не парадокс, если учесть твое утверждение, что атеизм есть тоже вера, только искаженная). И множество других типов атеизма еще существует, свидетельствуя метафизически о полной свободе человека, физически же – о реальности зла, порожденного этой свободой и поддерживаемого иноприродными нам, однако также вполне «свободными» в своем произволении силами. Интересно, что объединить все эти атеистические типы, по-видимому, можно одной характеристикой – «атеизм либеральный», если учесть, что понятие свободы в современном либерализме явно искажено.

Но как все же получилось, что столь неестественное и оправдывающее аморальное насилие мировоззрение могло восторжествовать в современности?

Соф. Я полагаю, что христианство столь же сложно, сколь и просто. Вообще усложнение может зачастую идти от лукавого. В своей сути христианство есть следование Христу, «хождение вослед», как определяют его Бонхёффер и Шмеман. Что же здесь сложного для понимания? Усложняет все интеллигентский рассудок: когда человек не хочет следовать простым и ясным истинам, его ум начинает изобретать всякие сложности. Так, например, у нас сейчас пишутся диссертации. Нет бы сказать все просто и ясно, что хочешь и что понял, – нет, надо все так усложнить, чтобы никто не догадался, что сказать-то и нечего. Особенно докторские диссертации по философии полны такой зауми. Поэтому полагаю, что обвинения в адрес клира в упрощении истин христианства вряд ли обоснованы. Этот несчастный клир всегда виноват во всех наших проблемах. Мы, прихожане, что дети малые, а за все несет ответственность клир. А что же мы?.. Я вообще против разделения во многих вопросах Церкви на клир и мирян. Мы все одна «плоть», и не надо перекладывать ответственность.

Что касается ухода в миссионерство, то к православию это вряд ли применимо. Это скорее грех католиков. Да и не в миссионерстве дело. К тому же проповедовать Христову истину обязан каждый ее носитель, но ненасильственно, конечно.

Рассуждая же о причинах торжества атеизма в новоевропейскую эпоху первое, что приходит на ум, это качество современной цивилизации, некоторые черты которой были верно вскрыты в том числе и К. Марксом. Это то, что он называл властью капитала, буржуазными отношениями. Ведь в этом типе общества на первое место выходит страсть обогащения, реализующаяся в коммерческой выгоде. Реализация этой страсти может дать экономический рост, но удушает духовную составляющую человека, дегуманизирует его, превращая в механизм по зарабатыванию и трате денег, механизм по получению наслаждений. При этом Маркс еще столкнулся и с жесткой эксплуатацией, так что его пафос понятен, и я его разделяю (как и любой нормальный человек), но вот *пути выхода* из этой ситуации неверны, аморальны, насильственны. Пафос Маркса гуманистичен и соответствует ценностям христианства, а предложенный им путь – антигуманен и противоречит этим ценностям.

Следующий фактор, связанный с первым, – это техника. Она помощник человека, но, окружив себя ею, он утратил связь с органическим миром, природой, собственным телом, – освободился (а в реальности куда больше поверил видимости освобождения) от некоторой природной зависимости, но позволил технике поработить себя (хорошо об этом у Бердяева, в его работе «Человек и машина»). Отсюда и экологические проблемы, и многие болезни современного человека, отсюда же и углубляющаяся дегуманизация. Современная цивилизация достигла больших технологических высот, и нынешнему человеку стало казаться, что теперь он сам господь бог и сам может решать все проблемы рассудочно, не опираясь на трансценденцию. Окружив себя искусственными вещами, он утратил и «метафизический инстинкт» (А.В. Семушкин), его мировоззрение стало плоским, одномерным, примитивным, бездуховным. И сюда мы можем отнести различные мировоззренческие типы, как то: позитивизм, прагматизм, постмодернизм и самый примитивный из этих принципов – атеистический материализм.

Но это всё – скорее внешние причины. Куда более существенны внутренние. Что произошло с самим человеком и Церковью? И возможен ли обратный процесс? Я не верю в десекуляризацию, на необходимость которой настаивал Зеньковский. Мир уже слишком далеко ушел, чтобы вернуться к церковному сознанию. Это не только невозможно, но и не нужно. Дело в том, что в отпадении мира от Церкви виновен, к сожалению, не только мир. Суть в том, что мир, выражаясь языком Канта и Бонхёффера, стал «совершеннолетним», а Церковь зачастую разговаривает с ним как с шалющим ребенком, пытается рассказывать ему сказки, в которые он уже не верит. Необходимо радикальное изменение самой Церкви, церковного сознания, отношения христианства и христиан к современному миру. Иначе дело будет безнадежно проиграно. Мне кажется, что отпадение секулярного мира от веры и Церкви, начавшееся с эпохи Возрождения, может быть преодолено не просто возвратом в Церковь, а *осмыслением мира как Церкви*. В этой фразе очень много сказано, попробую пояснить, уяснив заодно и себе, хоть часть из заложенного в ней. *Церковью должен стать весь мир. Церковь должна прийти к тому, чтобы отдать себя миру, как это сделал Христос.*

У Достоевского был свой ответ на проблему соотношения государства и Церкви, Церкви и секулярного мира. У него этой проблеме посвящена специальная глава в «Братьях Карамазовых» – «Буди, буди». И путь здесь предлагается иной, противоположный и утопии Вл. Соловьева (объединение церквей), и идее В.В. Зеньковского (воцерковление светской культуры, что также утопично). У Достоевского сама Церковь должна открыться в мир, а не мир подстроить под себя. Католики уже здесь потерпели полное фиаско, идя внешним путем (удивительно, как этого не увидел Вл. Соловьев).

«Когда же римское языческое государство возжелало стать христианским, то непременно случилось так, что став христианским, оно лишь включило в себя церковь, но само продолжало оставаться госу-

дарством языческим по-прежнему... не церковь должна искать себе определенного места в государстве, ...а напротив, всякое земное государство должно бы впоследствии обратиться в церковь... По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. Сие буди, буди!» (с. 58).

По сути, Достоевский мечтал о том, чтобы «всё общество обратилось лишь в церковь» (с. 61). Но, продолжает он в лице старца Паисия,

«...общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает всё же неизбежно, в ожидании своего полного преобразования из общества как союза почти еще языческого, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков...» (с. 61).

И чтобы не возникало никаких кривотолков, Достоевский вводит следующий пассаж:

«– Да что же это в самом деле такое? – воскликнул Миусов, как бы вдруг прорвавшись – устраняется на земле государство, а церковь возводится на степень государства! Это не то что ультрамонтанство, это архи-ультрамонтанство! Это папе Григорию Седьмому не мерещилось!

– Совершенно обратное изволите понимать! – строго проговорил отец Паисий, – не церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. То третье диаволово искушение! А напротив государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, – что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет» (с. 61–62).

Это действительно идеал, соответствующий христианским принципам, а не утопия. Это не теократия власти, а теократия духа. Не государство, используя свою власть, подчиняет себе общество на основе христианских принципов (на примере католичества мы видим, что при этом сразу происходит извращение христианских принципов), а, напротив, оно само трансформируется в христианское.

Это настолько высокий идеал, что Достоевский помещает его в неопределенное будущее, лишь надеясь на его осуществление как на путеводную звезду. И здесь одно существенное условие: христианское общество должно перестать быть «языческим союзом», оно должно открыться в мир, снять все препоны между обществом и собой.

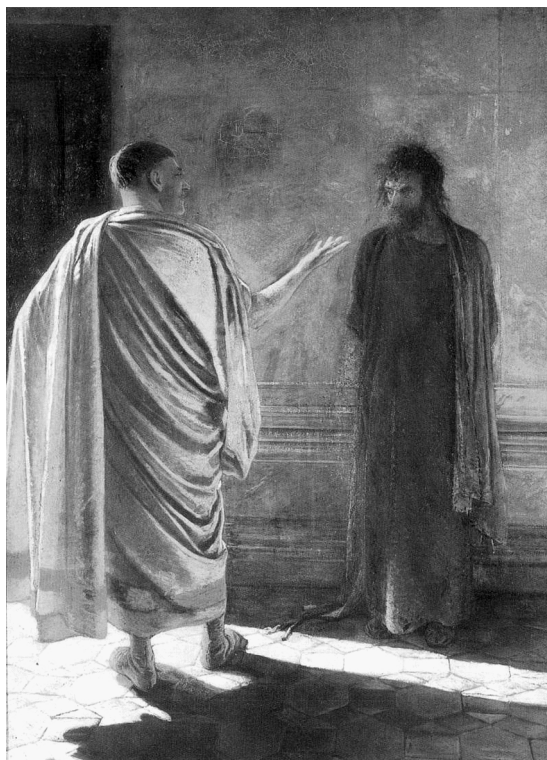
Продолжение следует

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Московская Патриархия, 1992. Bibliya. Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Moskovskaya Patriarkhiya. Moskva/ 1992.
2. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. Aristotel'. (1975). Metafizika. In: Aristotel'. (1975). Sochineniya: V 4-kh t. T. 1. Mysl'. Moskva.
3. Бердяев Н. Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. Berdyayev N. (2005). Russkaya ideya. Eksmo. Moskva; Midgard. Sankt-Peterburg.
4. Бонхёффер Д. Жить вместе. М.: Рашн Ресорсес Пресс, 2003. Bonkheffer D. (2003). Zhit' vmeste. Rashn Resorses Press. Moskva.
5. Бонхёффер Д. Сопrotивление и покорность (письма и заметки из тюремной камеры) // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 134, 139. Bonkheffer D. (1989). Soprotivlenie i pokornost' (pis'ma i zametki iz tyuremnoi kamery). Voprosy filosofii. N 11. Pp. 134, 139.
6. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. Bulgakov S.N. (1994). Svet nevechernii: Sozertsaniya i umozreniya. Respublika. Moskva.
7. Введенский А.И. Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом // Введенский А.И. Статьи по философии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. Vvedenskii A.I. (2001). Sud'ba very v Boga v bor/be s ateizmom. In: Vvedenskii A.I. (2001). Stat'i po filosofii. Izd-vo Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvo Sankt-Peterburg.
8. Гайдено П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. Gaidenko P.P. (2001). Vladimir Solov'ev i filosofiya Serebryanogo veka. Progress-Traditsiya. Moskva.
9. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. Gege'l G.V.F. (1997). Nauka logiki. Nauka. Sankt-Peterburg.
10. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1977. Gege'l G.V.F. (1977). Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Mysl'. Moskva.
11. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч. В 7-ми т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1986. Gogol' N.V. (1986). Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami. In: Gogol' N.V. (1986). Sobr. soch. V 7-mi t. T. 6. Khudozh. lit. Moskva.
12. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. 14. Л.: Наука, 1976. Dostoevskii F.M. (1976). Brat'ya Karamazovy. In: Dostoevskii F.M. (1976). Poln. sobr. soch. v 30-ti tomakh. T. 14. Nauka. Leningrad.
13. Зеньковский В.В. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Русский путь, 2008. Zen'kovskii V.V. (2008). Sobranie sochinenii. T. 2. Russkii put'. Moskva.
14. Зиновьев А. Западнизм // Феномен Зиновьева. Составители: А.А. Гуссейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. М.: Изд-во «Современные тетради», 2002. Zinov'ev A. (2002). Zapadnizm. In: Fenomen Zinov'eva. Sostaviteli: A.A. Gusseinov, O.M. Zinov'eva, K.M. Kantor. Izd-vo «Sovremennye tetradi». Moskva. 2002.
15. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Сочинения. В 6 тт. Т. 1. М., 1963.

- Kant I. (1963). Vseobshchaya estestvennaya istoriya i teoriya neba. In: Kant I. (1963). Sochineniya. V 6 tt. T. 1. Moskva.
16. Лаврухин А. Практическая философия Э. Гуссерля: проект обновления культурного человечества Европы // Ежегодник по феноменологической философии 2009/2010. М.: РГГУ, 2010.
Lavrukhin A. (2010). Prakticheskaya filosofiya E. Gusserlya: proekt obnovleniya kul'turnogo chelovechestva Evropy. Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii 2009/2010. RGGU. Moskva.
  17. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. ПСС. 5 изд. Т. 18. М., 1969.
Lenin V.I. (1969). Materializm i empiriokrititsizm. In: Lenin V.I. (1969) PSS. 5 izd. T. 18. Moskva.
  18. Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс-Традиция, 2008.
Mamardashvili M.K. (2008). Opyt fizicheskoi metafiziki (Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii). Progress-Traditsiya. Moskva.
  19. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. М., 1988.
Marks K. (1988). Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1. Kn. 1. Moskva.
  20. Серафим Саровский. О цели христианской жизни // Жития и творения русских святых: Жизнеописания и духовные наставления великих подвижников христианского благочестия, просиявших в земле Русской. М.: Современник, 1993.
Serafim Sarovskii. (1993). O tseli khristianskoi zhizni. In: Zhitiya i tvoreniya russkikh svyatykh: Zhizneopisaniya i dukhovnye nastavleniya velikikh podvizhnikov khristianskogo blagochestiya, prosiyavshikh v zemle Russkoi. Sovremennik. Moskva. 1993.
  21. Симеон Новый Богослов. Творения: В 3-х тт. Т. 3. Загорск: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
Simeon Novyi Bogoslov. (1993). Tvoreniya: V 3-kh tt. T. 3. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra.. Zagorsk
  22. Стиглиц Д.Ю. Ревущие девяностые. Семна развала. М.: Современная экономика и право, 2005.
Stiglits D.Yu. (2005). Revushchie devyanostye. Semena razvala. Sovremennaya ekonomika i pravo. Moskva.
  23. Федотов Г.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 9.: Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004.
Fedotov G.P. (2004). Sbranie sochinenii: V 12 t. T. 9.: Stat'i amerikanskogo perioda. Martis. Moskva.
  24. Фромм Э. Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
Fromm E. (1990). Imet' ili byt'? Progress. Moskva.
  25. Хайдеггер М. Знаки // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
Khaidegger M. (1993). Znaki. In: Khaidegger M. (1993). Raboty i razmyshleniya raznykh let. Moskva.
  26. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
Khaidegger M. (2001). Osnovnye problemy fenomenologii. Sankt-Peterburg.
  27. Шмеман А., Дневники. 1973–1983. М.: Русский путь, 2007.
Shmeman A. (2007). Dnevniki. 1973–1983. Russkii put'. Moskva.
  28. Husserl E. Briefwechsel. Husserliana Documente III. Hrsg. von K Schuhmann. Dordrecht; Boston;L., 1994. Bd. III.
  29. Mircea Eliade. The Sacred and the Profane (The nature of religion). New York, 1961.

«Что есть истина?» (Христос и Пилат).
Художник Н.Н. Ге. 1890.